

В духе ранней лирики Боброва выдержано и мрачное пророчество:

... всё истлеет, — твердь советься,
Растопятся миры горящи...⁵⁰

Буря, разразившаяся над Таврическими горами, — это суровое бедствие, посланное людям — «сим червям немощным и слабым».⁵¹ Однако Бобров не остается в рамках обычной для философской лирики конца XVIII в. параллели: человек — червь. В его поэме появляется тема научного исследования. Бобров продолжает здесь традицию, начатую Ломоносовым.⁵² И не случайно в поэму включен рассказ о гибели профессора Рихмана, где автор заставляет Ломоносова произнести речь над трупом своего друга. Несколько эклектическая литературная позиция Боброва сказалась здесь особенно ясно: в речи Ломоносова сочетаются прославление смелого научного эксперимента и меланхолическая медитация в духе карамзинизма.⁵³

Поэма Боброва была принята критикой очень доброжелательно. Радищев высоко оценил поэму еще в первом ее издании 1798 г. Он рассматривает написанную белыми стихами «Тавриду» как образец для своей поэмы «Бова»:

Без складов она, без рифмы
Вслед пойдет творцу Тавриды,
Но с ним может ли сравниться...

И в той же поэме «Бова» снова упоминание о Боброве:

Возьму плащ я для тумана,
А Боброва в услажденье.

Весьма вероятно, что апология Радищевым «Тилемахиды» Третьяковского в статье «Памятник дактило-хореическому ви-

⁵⁰ С. Б о б р о в. Таврида, стр. 154.

⁵¹ Там же, стр. 179.

⁵² На эту сторону творчества Боброва обратил внимание Ю. М. Лотман (см.: Поэты начала XIX века, стр. 53—56).

⁵³ Страшился ли тебя (судьбы, — М. А.) Франклин,
Иль тонкий Мушенброк, и Эйлер,
Как тайный океан эфира
Разлитый в глубине природы
С отважной грудью измеряли?

(С. Б о б р о в. Таврида, стр. 185—186).

О! — пусть сии горячи капли; —
Последня жертва нежной дружбы —
Его останки оросят,
И некогда на мрачном гробе
Взрастят печальны гиацинты.

(Там же, стр. 187).